

Десятый круг

Автор:

Евгений Бакало

Десятый круг

Евгений Николаевич Бакало

Повесть "Десятый круг" – это единый сюжет, сотканный из многих моментов жизни разных людей. Можно найти отголоски Данте и Булгакова. Но исключим мистику и фэнтези. Это может случиться с каждым. Ломаются стереотипы, и если вы не верите в написанное, поинтересуйтесь у специалистов в этой области. Расспросите историков-криминалистов, следователей, врачей, судмедэкспертов. Они расскажут вам еще более невероятные истории.

Евгений Бакало

Десятый круг

...И несло его во тьму. Словно земля разошлась провалом бездонным. И не ведал он куда летит. Одни стены окружали его каменными отвалами и уступами. Не мог понять полета своего он во тьме, но была в той темноте точка света. Манила она и была вожделенным местом для мыслей его.

И жаждал он знать, что там? Какие страхи сбудутся? Какие знания ожидают в объятьях того света, ибо никто не ведает знаний тех прежде. И приближался свет с мгновением каждым. И чудеса творились в том приближении.

Свет тот, словно вселенский шатер куполом навис над каменистой пустыней. Не видно края пустыне, и кроме камней тех нет ничего другого.

Но вдруг идет к нему человек высокий. Белый плащ на плечах его. Лицом строг человек, и пугает видом своим и молчанием. Как Судья высший смотреть на всякого он назначен. И пред лицом его каждого жизнь открывается. Явная или тайная. Ибо он и есть Суд высший над каждым.

Кто виновен ? демонам отдан будет. Страшны демоны как звери лесные с обликом волка и крыльями летучей мыши.

И кружили два демона над Несчастливым, готовясь забрать его. Ибо видели долю грешника. И вспомнил он грехи свои и стал искать среди деяний земных дела добрые. И обратил мысли свои в мольбы о пощаде и смирении.

Поднял тогда руку высокий человек и приказал Несчастному идти под власть его. И шел впереди высокий человек. И Несчастный обретал надежду, коя заменяла страх и смятение, и даровала веру ему в защиту.

И шли они по пустыне под куполом зноя. И был им спутником суховей.

Предисловие:

Моя студенческая молодость была сплошным погружением во все тяжкие грехи. Мне казалось, что именно такой образ жизни позволит захватить ту маленькую толику радости, которая способна перепасть от земного бытия. Что если не окунуться в пленительные сумрачные процессы, то все пройдет мимо.

По сути, жизнь и так нацелилась пройти мимо. Бурные застолья сменялись тихими попойками. Романтические свидания – мелкими взаимоотношениями со случайными женщинами. Все перемешалось: ненужные поездки, пустые встречи, пропитые финансы, упущенные выгоды и самое главное, практически

угробленное высшее образование.

Мой девиз так и настиг меня волной, долетевшей к нам из-за бугра еще с далеких шестидесятых: секс, наркотики, рок-энд-ролл. Но уже с поправкой на современные реалии. Ибо хиппи – дети цветов, люди, которым кроме секса, кайфа и музыки нужен был еще мир. Они за него голосовали. Точнее, примитивно уклонялись от призыва на Вьетнамскую войну. Меня даже в армию не стали брать – сработала отсрочка призыва для студентов. Но разве спасла меня эта военная амнистия от порочного прожигания собственной жизни?

Пять лет института пролетели как пять минут. С грустью смотришь назад и понимаешь, что все впустую. Смотришь вперед и ничего не видишь. Дорог много, а путь никуда не ведет. Но имело место одно спасительное обстоятельство: природная жажда познания. Это мое качество не оставило меня на обочине жизни. Работа оказалась интереснее, чем учеба. Работы было много. Все нервное. Все на стрессах. И опять стресс снимался самыми экстремальными способами. Ежедневно.

На рубеже тридцати лет привычка выпивать находила лишь одну внятную отговорку: пили мы только элитные напитки, курили только проверенную дурь, развлекались с подружками при обязательной резинке. В общем, поступали, как нам казалось, очень даже разумно.

А сон с каждым разом приходил все труднее. Обрывался в самом разгаре и требовал много влаги внутрь организма. Утро наступало тяжело и медленно. День тянулся бесконечно, и только вечер пролетал в очередном баре как молния, всполохом унося все заботы и усталость.

В какой-то момент сна не стало совсем. Я бродил по пустой квартире до пяти утра, вставая и по несколько раз за ночь принимая душ. Но все впустую.

В конечном итоге я сорвался.

Глава 1. Круг первый

Вскоре предстала им долина. Люди здесь были наги и пребывали в стыде и смятении. И летали над ними демоны в поисках жертв своих. Найдя одного срывались вниз и забирали его с собой..

И указал на них Светлый и молвил: «Вольность дум своих и слов поставили они выше Учения. Посему, участь каждого ждет своего решения и будет исполнена по делам мирским и словам, и мыслям».

И был их путь далее по гребню каменистой гряды.

В кабинете нарколога уже сидел пациент – сумрачное долговязое существо с заостренными чертами худощавого лица. Типичный «забулдыга», что в каждом дворе располагаются кружком в ожидании хоть капли "живительной" спиртоносной влаги. Серый заношенный пиджак на майку «алкоголичку», растянутые треники, вельветовые тапки. Для образа пьянчуги из 90-х не хватает только махровой вязаной кепки с торчащими во все стороны пучками пушистых волосинок.

Звали это сумрачное худое существо Пашкой. Пашка был из тех самых 90-х, где отрывались как могли и хотели. Просто тогда Пашка был еще ребенком. Лопоухим школьником, который впервые пробовал «Портвейн 555» с мальчишками за гаражами.

И тут заводят меня. Я никогда не верил, что попаду в такой кабинет в качестве пациента. Я просто зарекался от этого. Но у судьбы свои планы на мой счет.

– Садись здесь. А ты подвинься, кушетка не только тебе! – санитар толкнул Пашку в плечо, и тот послушно сдвинул свой тощий зад на пару сантиметров. Места на кушетке было вполне достаточно, но санитару нужно было показать, кто здесь правит миром, и что его лучше слушаться, если нет желания

познакомиться с его же крепкой рукой.

Я сел. Комната вся вращалась, и было страшно потерять ориентир в пространстве. Я зацепился взглядом в картину напротив меня. Попытался ее рассмотреть. Суть изображенного долго не мог понять, но странным образом читалась подпись: «Лимб. Круг первый».

– Прям Данте, – выдавил я из себя с легкой ухмылкой.

Здоровенный парень лет тридцати в несвежем халате смотрел на меня сверху вниз. Его взгляд был вызывающим, пренебрежительным. Прищуренные глазки. Крепко сжатый рот. Напряженный подбородок на крупной шее. Парень был лишен признаков интеллекта, но всячески выпячивал свое физическое превосходство. Из-за его спины появился невысокий мужчина в отутюженном медицинском халате.

– А ты не умничай. Есть во что переодеться? Снимай пиджак, туфли, часы. Тут складывай, – доктор говорил словно цирковой чревовещатель, почти не открывая рта и не шевеля губами. Доктор МАНН. Так значилось на его нагрудной карточке. – Санитар выдаст вам одежду. И будем лечиться, Готте! Готте, вы меня слышите?

Санитар принес застиранную полосатую пижаму, стащил с меня пиджак «Армани», рубашку, туфли от модного дизайнера, часы и привычным движением стал расстегивать ремень на джинсах.

– Сам.

– Ну так, живее!

Я натянул неприятную телу больничную хламиду. Передернулся с утробной отрыжкой. Меня мутило. Но влитое в «Скорой» лекарство уже начало действовать. Я ужасно захотел спать.

- Куда мои вещи понесли? Там мой телефон. Я его заберу.

Доктор Манн прервал мою реплику и обратился к санитару:

- Сергей, веди обоих в отделение. Да смотри, чтоб мажор не облевал тут все.

- Владлен Маркович, вы сейчас в кабинет? Можно к вам на секунду?

- Сережа, я помню. Я обещал, я отдам. Но речь шла, что ты не уволишься минимум полгода.

- Спасибо, Владлен Маркович. Остальное как обычно?

Доктор МАНН очень экономно кивнул в знак одобрения и вышел из смотровой. Вслед за доктором стали выволакивать меня с долговязым Пашкой, сонных и совершенно ничего не понимающих. Санитар Сережа засуетился возле моих вещей и через пару секунд уже был рядом. Его лицо сияло осознанием исполненного долга.

Нас вели длинным коридором с решетчатыми небольшими окошками, сквозь которые изредка виднелись отблески электрического света. Перед лестницей опять решетка, только уже ограждающая пространство над лестничным пролетом. Потом еще решетка, отделяющая спуск в подвальное помещение. И опять коридор. Опять решетки, двери, сетки, крашенные стены, маленькие окна, затянутые паутиной арматуры. «Тюрьма» - подумал я.

- Ну что, бухари, милости просим. В тюрьме никто из вас не сидел? А то б сравнили... Тюрьма вам бы, точно, раем показалась, - санитар разговаривал сам с собой. Он продолжал произносить текст как мантру, которую необходимо зачитывать в уши каждого вновь прибывшего.

Санитар вел нас под руки. И что-то тяжелое в кармане его халата, что-то не литое, но металлическое при каждом шаге шлепало меня по ребрам.

Последняя дверь. Воздух. Пасмурный день нагнетал тучи, но и предвкушал дождь. Пахло озоном, грозой, скорой влагой с неба. Я вдохнул. С этим вдохом меня тут же стошнило. Все, что было мной отправлено в желудок в течении последних суток в ресторане, фонтаном брызнуло на тапки Сережи.

– Урод, мне ж еще ночь дежурить! – санитар как ошпаренный отскочил, бросив меня на асфальтированную, изломанную проросшей травой дорожку. – Сука. Ну ты у меня отхватишь ща.

Этот здоровяк в белом халате, как раненый зверь, готовящийся к прыжку, стряхнул на траву источающие зловоние тапки. Бросил на траву Пашку, вытирая уже голые ноги о его одежду.

Мне полегчало от высвободившегося желудка. Я понимал, что сейчас меня будут бить, но было все равно. Я просто упал на асфальт и сжался в позу зародыша. Я ждал. И тут привычный перелив моих лучших наручных часов «Патек Филип» сообщил о наступившем новом часе.

– Падла, уже часы спер, – едва выдавил я, прозревший, что именно тяжелое шлепало меня по ребрам.

Санитар вмиг понял, что оказался пойманным за руку на месте преступления. Он опешил, но секунда прошла, и нужно было реагировать – желательно так, чтобы я на своих претензиях поставил крест. Он выпалил: «они уже не твои, пациент!» и сжал кулаки.

Однако, не отвесив ни одного удара, кулаки вдруг расслабились. За моим скрюченным телом из кустов вырос великан. Натурально двухметровый детина с искаженным лицом – точнее, с неестественно кривым черепом. Его рука сжимала высокий черенок метлы, собранной из нескольких старых веников. Великан просто стоял и смотрел.

Плохо скрывая неприязнь, санитар проговорил:

– Миша, иди отсюда. Иди хоть в задницу! Но ты ничего не видел. Уловил?

Я понял, что Миша мой спаситель, пусть даже и временный. Воспитательный акт от санитаря переносится на потом, а пока... Сергей, как верный волк системы, взял нас с Пашкой в лапы-пасти и потащил дальше. Он даже не побрезговал надеть свои испачканные тапки. И зловоние от них провожало нас по тенистой аллее лечебницы.

Низкое здание барачного типа носило название «Бокс», с дополнительным пояснением: «Карантин». О карантине предупреждало рукописное объявление, прикрепленное кнопкой на деревянную крашеную дверь. Ее скрип нарушил шелест листьев, а сильные руки втолкнули нас в полутьму.

– Принимай.

– Сколько?

– Двое. Карты позже принесут.

Кто-то вышел из темноты на свет зарешеченного окна. Внимательно осмотрел нас.

– А чого этот ужо в пижаме? Опять раздели хлопца? Серожа, я тоби сколько раз балакал, що мни плевать на то, що тебе разрешает цей еврей. Тут в «Боксе» я керую, и я их довшен обработать перэд приняттем. Уразумив?

– Да пошел ты. Иди и сам с ним договаривайся. Принимай как есть! – с этими словами санитар усадил нас на кушетку. За ним гулко захлопнулась старая

тяжелая дверь.

Начальник «карантина» подошел ближе. Слегка наклонился над моим лицом. В своем полумраке сознания я прочитал его карточку на груди «Харон Богдан Иванович».

– Ну, пойдём, хлопцы. По первой баня. Сами то можете идти? Эй ты, доходяга, бери его и айда мытця. Вы, я дивлюсь, из запойных. Ну, це добре. Не юродивые, уже хорошо. А то беда з ийми.

Харон Богдан Иванович. Он говорил на смеси украинского и русского языков. В Харьковской области такое было частым явлением. Сам же Богдан Иванович, мужчина коренастый, лет шестидесяти. Пытливый взгляд, крепкие руки. Он внушал желание его уважать, может, даже бояться. За несколько минут Харон не проявил ни малейшей агрессии или намека на силу. С таким человеком хотелось быть друзьями, и не в ком случае не иметь его в числе врагов.

Пашка тянул меня по коридору со стенами крашеными грязно-зеленой эмалью. Потом была душевая со стойким запахом скипидара и разлагающегося от влаги дерева. Куски хозяйственного мыла, разрезанные пополам, лежали на деревянных скамьях рядом с оцинкованными тазами. Из стены торчали ржавые вентили душевого крана. Все было коричневым от вездесущей ржавчины, влаги и гнили. Включили теплую воду и каждый занял место под отдельным гусаком.

Вода. Она немного привела меня в состояние жизни. Можно было выходить, одеваться. Пижама вернулась в еще более жутком состоянии: засушенная и горячая. Прожарили от души. Я с каждой минутой приходил в себя. Но все еще тошнило, голова кружилась и сильно болел затылок.

– Одягайся, да и у карантин! – проговорил Харон. – И слухай тут тильки меня. В карантине будэте не долго. До вечора. К тому времени вас определяют до отделения и палаты. У мэнэ тут нэ шуметь. С кем хотите, можно балакать. Но ежли кто сполонен, не отвязывать. На очко ходить в аккурат, вы не одни. Ежли шо, зовите. Кто-то всегда нэ далече. Вопросы задавайте. Тут нэ тюрьма. Больница... – и он замолчал, философски уставившись в окно.

– А где мой телефон? Как своим позвонить?

– Телефон цей бугай забрал. А бо ще кто. Забудь. Твои и так знают где ты, сами ж и привезлы. Про тоби ужо слух пробёг. Местные прибиблы добро твое делить. Уроды.

Минутное знакомство с этим человеком, а у меня к нему уважение. Он брал нас как стариков немощных, крепко, но почти ласково. Взял и отнес к очередной двери. Отворил ключом засов. За дверью копошилась жизнь. И в эту жизнь нас ввели словно полусонных овец.

– Да ви не бойысь, заходи! Нэма буйных. Тильки унылые.

– Заходи, заходи, – донеслось из глубины.

Только сейчас я разглядел четыре железные кровати, на трех из которых были привязаны люди. Мы с Пашкой прошли и сели на свободную. Я сразу привалился в сторону окна, оставаясь в сидячем состоянии. Меня мутило. А слух мой воспринимал все звуки. И эти звуки стали доносить сюрпризы.

– Кто ты? – начал разговор, лежащий на кровати у окна справа. На зоне бы его признали «паханом». Лицом суровый и место почетное. Одно отличало, человек был привязан за кисти к кровати.

– Пашка.

– А друг твой?

– Он мне не друг.

– Зря ты напрягаешься. Тут лучше жить тихо. Я Иван Иванович. Но можно и Моисей. По фамилии.

Меня потянуло подняться и посмотреть.

– Забавно. Моисеев Иван Иванович... А я Георгий.

Все замолчали. Тишину нарушил пациент с кровати напротив.

– Будьте людьми, развяжите. Нет сил. Ради Христа, развяжитееее. Суки. Ну будьте людьми! Я же все равно уйду. Я не могу больше. Я не могу так больше жить... А-А-А!

Его крик порвал мое сознание.

– Что с ним?

Иван Иванович повернул голову в сторону кричавшего и спокойно произнес.

– Я не знаю, за что он тут и как зовут. Я его назвал Ной. Он вечно ноет и скулит. Вроде наркоман. Не буйный, но уж больно жалость вызывает. Все своих домашних вспоминает. Да кошек с собачками.

– Ной, Моисей. Я так понимаю, тот третий Авраам? – я попытался шутить.

– Пять. Так и есть. Арам Оганесян. Философ. Он пока спит, колонули успокоительным. Он тут спектакль устроил, призывал всех одуматься и принять царство божие. Ну, его и угомонили.

– А Ноя за что?

– Суицидный, вроде вешался. Больше ничего не знаю.

– А тебя? – продолжал я интересоваться.

– Чтоб не развязал их, – с ухмылкой ответил Иван Иванович.

– А нас почему не привязали?

– Коек больше нет. Двоих на одну никак. Да вы и не буйные. Развяжи меня. Арам и так не привязан. А этот пусть пока угомонится... Ной, ты чего так кричишь? Вот полюбишь жизнь, как люблю ее я, и тебя отпустят.

Мне стало чуть легче. Я услышал разумную речь человека.

– Пашка, развяжи Иваныча! – я толкнул Пашку в бок. – Слышишь. Развяжи, говорю, человека. Или совсем одурел со страху?

– Я чо вам, шнырь? Сам развяжи. Тебе надо ты и развяжи. Может мне вообще тут все в падлу.

Иваныч приподнялся на локтях как мог, чтоб взглянуть на новенького.

- Бывалый что ль?

- А ты сам не видишь? - и Пашка демонстративно закинул синюю от татуировок руку на колено.

- Где чалился? Вошел в хату, представься. Не русский что ль? Или не учили людей уважать?

Пашка весь сжался. Видно было, что его расслабленное состояние нарушили в самый неподходящий момент. Он оперся на ватные ноги, встал и сделал шаг в центр палаты.

- Горохов Павел Алексеевич. Чалился в городе Изюм...

- Слышь, ты, Пал Алексеевич, - перебил его Иван Иванович, ? ты это, прекращай зону рисовать. И мне не стоит об этом напоминать. Представился "Пашка" и будь Пашкой. Мы тебе погремуху не собираемся вешать, если сам ее не повесишь. А то, что шнырем был, и так видно. Вот про это не забывай. Развязывай давай.

Пашка молча распеленал кисти Иванныча и по старой привычке сел на корточки возле умывальника.

- Вроде не зона, а как все выстроилось само собой. Вот тебе и койка, Жора. А Пашка привычный на корточках. Да вы расслабьтесь, парни. Мы тут как у Христа за пазухой. Лишь бы не пичкали лекарствами и уколами, иначе хана психике и всему ливеру.

Иван Иванныч явно знал много, через порядочное горнило прошел. Но было видно, что он выше всех этих условностей и правил. Мне стало интересно.

– Иваныч, а ты сидел?

– Когда-то в прошлом. Сейчас лежу. Но пора вставать, а то все затекло. Хорошо, что вы появились. А то б обмочился тут, спеленатый.

Иваныч встал, отправился по нужде в кабинку туалета без дверей, и не отвлекаясь, продолжил речь:

– Сидееееел. Еще как сидел. Но что-то тошно мне стало от этого. Света белого не видел между ходками. А тут проповедник пришел. Лекцию читал нам, Библию. Я к нему на беседу напросился. Он меня и надоумил, что есть другая жизнь. Без этой грязи, без насилия и воровских законов. Без зашкваренного мира... Где есть закон божий и человеческий. Так я и подался в церковь. Только не в ту, которую он мне нарисовал, а в нашу. Сперва, в часовню стал ходить при зоне, потом служкой. А там и конец срока. В родной деревне куда податься если нет жилья? Ну, напрямик к Батюшке. Он и пристроил меня в кочегарку. Так я и дворником, и охранником при храме и что подлатать да смастерить.

– А сюда как попал?

– Я ж наркоман заядлый был. Без дозы не мог. Но вроде как за время что сидел, отпустило меня. А при церкви так и вовсе думать перестал. Но послал меня наш отче в Харьков за инструментом и как назло на рынке, на Барабане дружки мои старые. Мол, пошли чаю попьем, за дела поговорим. Ну в ближайший шинок зашли. Я-то не пьющий теперь. Но понимаю, что сморили они меня, что-то подсыпали. Может клофелин или дурь какую. Я ж в цивильное был одет и при деньгах, каких-никаких. В общем, приступ у меня был. Ничего не помню. Очнулся уже здесь, в пижаме.

– И чего тут привязан, не со всеми?

– Чего, спрашиваешь? Арама полез успокаивать. А этот Сережа санитар нас так и принял двоих. Карантин у них как карцер. Тут хоть в исподнее обделайся. Могут сутки к тебе не подходить. Еще и матрац убирают, чтоб потом не стирать. Только если не в смену Богдаши. Он не дает над людьми измываться. Но у него и не побалуешь.

Все затихли на своих местах. Я съежился на доставшейся мне полномерной кровати. Принял позу зародыша и начал тихо скулить. Но только тихо, чтоб никто не слышал моего воя. Боли не было. Однако жуткое отчаяние и скорбь овладели мной. Скорбь была моим наказанием в этот день.

Глава 2. Круг второй

Преградила дорогу их скала с обрывом. Сходила она вниз, в яму. Была та яма выгребная зловонна, червями и нечистотами полна. И стояли в нечистотах люди. И проедали адские черви в плоти человеческой себе норы.

Рвали люди червей, рвали плоть свою и бросали в рядом стоящих. И мучения все получали чудовищные. Но нарастала заново плоть и повторялись страдания многократно...

И молвил Светлый, на яму указывая: «Это «Колодец отходов». Собраны здесь те, кто возжелал подобного пола своего или скот домашний или ребенка малого, или какие другие похотские страсти одолевали его. Пожали они плоды свои друг от друга, так и в века будут принимать мучения сии.»

И воскликнул с мольбами обреченный: «За что меня к ним? Не возжелал я ни мужчину, ни скота, ни дитя малого! Не помышлял о таком и порицал пороки эти. Смилуйся ко мне, ибо не ведаю за собой греха такого!»

Указал рукой Светлый наверх: "Знаю, что грех этот не тронул ни тело твое, ни душу".

Ближе к вечеру зашел старший бокса Харон.

– Хлопцы, хто вечерить хоче успеть? Сбирайся, бо Серожа ща прийде. Заберет вас до отделения.

Мы с Пашкой потянулись уныло к выходу. Вроде же нас звали «хлопцами».

– Иваныч, и ты зараз. И нытика собирай. Армянин жив ще? Ну, не хай спит. А бо не сдох от дозы.

Большая фигура Серожи уже стояла на входе в Бокс. Этот «вертухай» казался еще больше после сумрака палаты. Хотя я заметил, что срубал таких одним ударом, благо спорт оставил мне хороший задел здоровья и умения с детства.

«Еще свидимся, – подумал я. – Я отсюда просто так без своих часов, не уложив, тебя, бугая не уйду. Уж очень ты мне дорог, Серожа!» И я понял, что у меня есть цель. Нужно выжить. И свалить отсюда, предварительно воздав обидчику.

Все тучи днем были напрасны. Дождем земля так и не окропилась, зато жарила изнуряющая духота. Солнце летними лучами раскалило и без того разрушающийся корнями деревьев асфальт. Мы шли по дорожке пошатываясь и спотыкаясь. Санитар сопровождал нас молча. Я чувствовал, как он сверлит меня глазами. Ненавидит. Он прекрасно понимает мой статус и свое временное превосходство надо мной. Его же превосходство всецело зависит от срока моего лечения. Дальше все туманно. А грех его перед моей персоной, факт уже не требующий доказательств. Поэтому, расплата неминуема. И мы оба это

понимали.

Санитар подтолкнул Пашку к ближайшему корпусу.

- Серега, а новеньких куда? - спросил Иваныч.

- Куда и всех.

- Так у нас переполнено.

- Потесним. В коридорах положим.

- Ты же знаешь, в коридоре нельзя. Вдруг буйство начнется, - Иваныч явно пытался расшатать спокойствие санитаря.

- Не твое дело. Утихомирим.

- Дело не мое, но оно таки хлопотное.

В перепалке вся компания попала на сестринский пост лечебного отделения.

- Живые есть? Принимай.

В коридоре появилась фигура. Широкоплечий мужик невысокого роста, с большим животом и толстыми руками приближался к столу. Длинные курчавые волосы спадали на плечи. Белый форменный костюм медика смотрелся на нем как балдахин. Обмотни ему шарфик шелковый и он примет образ певца Демиса Руссо. На груди красовалась табличка «Старший медбрат отде..... Вахтанг

Минос...».

Карточка с именем и должностью была втиснута в предательски тесный пластиковый конверт с подгибом, отчего окончание каждой строки совершенно не читалось. Минос?... Миносюк? Миносян? Миносидзе?

Медицинский работник Вахтанг бодро взглянул на столпившихся у стола мужчин и сурово упер руки в бока, подражая старомодной сахарнице.

– Твою мать. Куда? Куда я их положу? У меня мест нет.

Голос старшего медбрата был высокий и реально напоминал тембр греческого певца. Почти женский.

Санитар был безучастен к вопросам, ковыряясь ключом в ухе. У старшего по отделению нет вариантов, чтоб не взять новых больных. Но есть вариант показать свою безмерную власть. Чем он периодически и развлекался на рабочем месте.

– Сергей – Иваныча к себе. А этих оборванцев в Иксовый бокс.

– К сифилитикам? Глав же запретил.

– Не умничай. А то тоже будешь сегодня с ними чаи ночью гонять, – с ехидством пригрозил Вахтанг.

Так мы оказались в отдельном коридоре, ответвленном в пристройку и запертым дверью-решеткой с мелкой сеткой. Четыре массивные двери со смотровыми окошечками попарно выделялись вдоль облупившихся стен. Слышался мужской стон и сырое зловоние. Оно будто пронизывало эфир своими радиационными потоками. Казалось, этим запахом пропитано все, и как всякая примитивная радиация практически не выветривалась.

Санитар посмотрел в маленькое окошко крайней справа двери. Достал ключ-отмычку как у вагоновожатых и отворил массивную деревянную дверь.

– Привет сифилитики. Принимай новеньких.

Никто не отозвался. Только стон и невнятное бормотание стали слышны намного отчетливее.

Санитар Серожа завел Пашку. Пашка под руку втянул меня.

– Пока вы здесь: один на кушетку, другой на кровать. Потом переведут. Белье принесут. А сейчас будет ужин. И не шалить!

Дверь захлопнулась. Я посмотрел на кушетку. Узкая. Короткая. Рыжий «кожзам» во многих местах изодран и потерт, весь в бурых пятнах. Пашка по привычке и статусу сел на кушетку, оставив мне право лечь в полный рост на кровать. Сверчок знал свой шесток и тем снял возможный конфликт.

Палата была точно скопирована с приемного бокса. Но одно радикальное отличие сразу бросилось в глаза: узкое окно располагалось под самым потолком. Решетка, отсутствие форточки, глухая закраска стекла белой эмалью. Зачем закрашено стекло? Я не мог понять.

Электрическая лампа не была включена, а окно почти не давало освещения. Мрак или полумрак окутал все пространство. Пространство небольшой комнаты с двумя кроватями, кушеткой, брошенным на пол матрацем и унитазом, примостившимся прямо у дверей.

Все наводило жуткое уныние. Особенно звуки. Стоны издавало человеческое тело на кровати. Секундное детское смятение овладело мной. Мы заходили в клетку зверя. А какой это зверь мы не знали. Но он был живой, скулил мужским грудным стоном. Такой я уже слышал, когда-то в хирургии, куда привезли обожженного. Крупный мужчина совершенно неопределяемого возраста и расы. Он был в сознании, весь перевязан. От него исходился неприятный медикаментозный запах и запах гари. Но самое жуткое ощущение порождал его

стон: низкий, грудной, исходящий через кожу и бинты. Было ощущение близости раненого зверя.

Так и в этой палате находился человек. Он лежал укрывшись с головой бордовым клетчатым одеялом. Его раны были мучительны. Стоны холодом древних подземелий обдавали меня. И только один шаг разделял наши кровати. Мой слух обострился как ночью во враждебном лесу.

– Сколько мне? Сколько? Сколько? Мне сколько? Надо, надо, надо, надо. Еще, еще, сколько мне?

Как мантры древних молитв повторялись эти слова, сложенные в нехитрые строки. Их невозможно было не слышать. Других звуков здесь просто не существовало. И я, поневоле, входил в транс. Потолок стал кружиться, стены поплыли, искажая пространство. Я почувствовал легкость полета, а затем грузность своего обессилившего тела. Все потемнело, я окунулся в сон.

Голос как звон далекого колокола пытался пробудить меня.

– Припадошный, тебя как звать?

Этот вопрос всегда имел в моем алгоритме только один ответ. И он вырвался стоном из моего организма:

– Георгий.

– Имя то какое. Что, не могли по нормальному назвать?

– Да пошел ты!

Я часто посылал людей. Считаю себя чуть выше других, чуть успешнее, наглее. И я взял на себя право указывать людям их место, их дешевый статус. Не всегда мне это сходило с рук. Когда-то был бит по лицу, но это было в молодости, даже в юности. Теперь все забыто, как и не было. И где они эти обидчики? А вот я жив и, кажется, немного здоров.

- Смотри-ка. Еще огрызается. Вставай на осмотр. Хватит уже, побузил. А будешь еще устраивать Армагеддон, опять останешься в одиночке.

- Никуда не пойду! Я спать хочу.

- Пойдешь.

Этот кто-то с женским голосом, низким и неприятным, сильной рукой схватил мое запястье. Другая рука обхватила шею и в скрученном состоянии поволокла меня к двери.

- А как полностью твоя фамилия? - выдавил я из себя мучивший вопрос. - Миносян?

- Моя? Софья Ковалевская. И не Миносян, а просто Минос. Так и есть Вахтанг Георгиевич Минос. Запомни. Он хороший человек. Не чета вам. У него два высших образования, бывший военный.

- Что он тогда в дурдоме батрачит?

- Сын у него болен. Тут в больнице лежит. Вот Вахтанг с ним и нянчится.

Хватка ослабла, ко мне проявили минутное милосердие.

- Видел, детина дорожки подметает? Это он и есть – Миша. Мишико.

Я видел Мишу, этого Минотавра, блуждающего в лабиринте нестриженных кустов и поросших травой развалившихся дорожек. Но сейчас меня почти несла женщина. Такое было впервые.

Почему я думал об этом человеке как о мужчине? Я прекрасно понимал, что это женщина. Но этот голос, сила рук, манеры. Я не мог найти зацепок, чтоб идентифицировать медицинского работника как женщину.

А меня между тем тянули в полусонном обморочном состоянии сквозь запертые двери, сквозь кирпичные стены, сквозь сплетения решеток. Наконец я почувствовал мягкий холод кожзаменителя очередной кушетки и упал совершенно обессиленный. Мои ноги закинули в один уровень с телом, доставив тем самым максимальное удобство.

Приоткрыв заплывшие глаза, я уткнулся в надпись шариковой ручкой на стене: «Гость, тебе здесь будет хорошо; здесь удовольствие – высшее благо». «Эпикуры, их мать!» – подумал и вновь закрыл глаза. Совсем не хотелось видеть этот мир. И, тем более, что в нем творится.

При этом я все слышал и чувствовал. Понимал, что с меня стянули пижамные штаны, затем трусы.

- Доктор! – позвал мужеподобный голос.

Шаркающие шаги приблизили к моей кушетке неизвестного человека.

- Ты кого мне привела? Это же не тот.

- А я по чем знаю? – прозвучало в оправдание.

- Бестолковая вы женщина. Ладно, давайте я этого осмотрю, раз уж он тут лежит. И учтите, если он не болен, я его обратно не позволю в инфекционный бокс положить.

- Там еще один такой же. А этот валялся, я его и принесла.

- Пойдемте, приведем и второго, пожалуйста. Я в бокс с вами пойду.

Говорившие вышли. Я погрузился в полудрему. Мысли смешались с картинками, закружили в моем сознании как сиденья карусели на цепочке. И как в детстве на этой карусели меня стало тошнить. Я открыл глаза. Все болело. Тело было словно избито.

Рядом на корточках сидел Пашка.

- Ты чего здесь? - чуть подняв тяжелую голову, я обратился к нему.

- Тебя охраняю, чтоб не упал.

- Падал уже?

- Ага.

Голова болела. Теперь мне стала понятна причина боли. Сознание мутилось.

- А где мы?

– Опять у венеролога.

– Почему опять? – мое сознание пыталось навести порядок в хронологии событий. Но я четко понимал, что у меня не вся информация. Огромный временной пробел бездонным рвом опоясал мою память.

– Меня привели, ты уже тут валялся. Потом нас потащили в лабораторию на мазок, кровь сдавали. Ты совсем ничего не помнишь?

Я взглянул на руку, на внутреннем сгибе руки виднелся свежий прокол и гематома. Лиловый синяк расплылся под кожей. Я его не чувствовал. Я вообще не чувствовал свое тело.

– Кровь... кому нужна моя кровь? Там только виски и лекарства. Что потом?

– Нас на ужин повели. А ты как вата, свалился у входа и лежал. Тебя еще эти психи пытались ограбить. По карманам шарили. Пока венеролог не увидел, ну и обратно к себе в приемную нас забрал.

Я почувствовал голод. Пустой желудок и полное бессилие. Я вспомнил свой сон, где меня кружило вихрем тропического торнадо. Но все это происходило в очень маленьком пространстве. В меня тыкали копьем на Голгофе. Мое тело выжимали словно стирное белье. Много темных коридоров, и каждая новая дверь как миг рождения. Боль и неопределенность.

А был ли это сон? Мне показалось, что это было наказание за мои плотские грехи. И что-то очень знакомое намекало мне, что я прошел через чистилище Ада. Одно из многих его кругов.

Глава 3. Круг третий

Шли они истязаемые ветром и зноем. Не было солнца, но странный зловещий свет наполнял пространство. Словно от лавы извергающейся.

И увидел Несчастный болото, бурлящее в низкой земле. Но наполнено было оно не водами, а камнем расплавленным. И были в том болоте люди. И с мольбою смотрели вверх... Камнем и песком были наполнены рты людей. Иные поглощали камни, иные извергали.

Не было желания смотреть на страдающих людей... Но указал Светлый в их сторону: «Ублажал ты чрево свое яствами. И гнушался еды простой. И осуждал непритязательных».

Склонил в бессилии обреченный голову. И понял участь свою. И мыслил он про себя, но слова как будто произнесены были, и каждый мог слышать их: «Жизнь моя в достатке была. От того и не ценил, что посылал мне Создатель. И не делился с нуждающимся. Видел я себя выше других, за что и участь моя теперь мне открыта».

Но смотрел Светлый на него: «Поставлена за тебя свеча женщиной- нищенкой. Не ей ты дал милостыню, но чадо ее накормил в холодный день. И узнала она от дочери своей о добром человеке. И стоит за тебя свеча неугасаемая».

Так вспомнил Несчастный цыганку, милостыню просившую. Только не жадностью, а через гордыню свою он отказал женщине в подаянии. Но не отпустила судьба его, даровала путь любви. Девочка обратилась к нему с мольбой о милости. И стало жалко ребенка ему. Видел он, как оголодало и замерзло дитя. И отвел он дитя к пекарю, дабы хлеб насущный даровать ребенку, молоко согретое, да тепло дома пекаря.

Но не единой свечей путь освещен должен быть. Ибо в пути долгом быстро сгорит свеча и тусклый свет от нее в округе.

Так и далее шел Светлый указывая путь.

Прошел день. За окном темно. Мы опять с Пашкой, нас везде водят вместе. Сидим на кушетке приемной кожного врача. Пустая комната, где только стол, два стула и две кушетки. Окно зарешечено, но не покрашено. Это уже радовало. И главное, была открыта форточка. Мне даже казалось, что в нее проникает свежий ветерок с улицы. Оттуда, где есть деревья, уже засыхающие пожелтевшие от зноя кусты шиповника, кое-где пробивающаяся трава.

Мы смотрели в окно. Смотрели тихо, долго. Пока Пашка не дернулся всем телом от страха – за стеклом стоял человек.

– Смотри!

Я давно заметил большую фигуру на фоне белеющих вдалеке строений. Это был Миша. Мой спаситель. Местный Минотавр ? хранитель лабиринта и паркового порядка.

– Миша, иди, гуляй.

Эти слова произнес доктор, который совершенно беззвучно вошел сквозь закрытую дверь. Не было слышно ни поворота ключа, ни скрипа двери. А возможно, было и не заперто. Мы не проверяли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/bakalo_evgeniy/desyatyy-krug

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)